

Собранія педагоговъ духовныхъ училищъ Московской епархіи.

Въ началѣ этого года въ жизни духовныхъ училищъ Московской епархіи имѣло мѣсто знаменательное событіе: представители педагогическаго персонала пяти д. училищъ, не поддерживающіе обычно никакихъ между собой сношеній, не разъ въ указанное время собирались за однимъ рабочимъ столомъ. Что же вызвало ихъ на совмѣстную работу? Какъ извѣстно, Св. Синодомъ было предписано семинарскимъ и училищнымъ Правленіямъ представить подробныя мнѣнія объ измѣненіяхъ Устава 1884 г. Находя, что въ такомъ сложномъ вопросѣ весьма не лишне членамъ педагогическаго персонала духовныхъ училищъ обмѣняться мыслями, Правленіе одного мѣстнаго училища возбудило предъ Высшей властію ходатайство о разрѣшеніи общихъ собраній представителей училищныхъ педагогическихъ корпорацій. Ходатайство имѣло успѣхъ, и педагоги пяти духовныхъ училищъ:—двухъ московскихъ и трехъ уѣздныхъ (Перервинскаго, Звенигородскаго и Дмитровскаго) имѣли въ помѣщеніи Законоспасскаго училища 8 собраній по вопросу о реформѣ духовной школы.

Нѣтъ нужды скрывать, что инициаторамъ собраній приходила мысль устроить ихъ въ большемъ размѣрѣ: желательно было видѣть въ одномъ обществѣ не только персоналъ училищъ, но и духовныхъ семинарій. Хотя духовныя училища и семинаріи раздѣлены пространственно и не имѣютъ никакихъ сообщеній, кромѣ канцелярскихъ, но тѣмъ не менѣе по своему внутреннему строю представляютъ одну духовную школу. Измѣняя такъ или иначе организацію училища, вѣльзя не затронуть и семинаріи—точно также и обратно.

Работать надъ реформой училища, не задаваясь вопросомъ, какова должна быть семинарія—прямое продолженіе училища, пересматривать строй семинаріи, не зная, какія измѣненія послѣдуютъ въ организаціи духовнаго училища, служащаго началомъ семинаріи—довольно затруднительно.

Но какъ ни серьезны эти соображенія, тѣмъ не менѣе мысль объ общихъ собраніяхъ педагогическаго персонала училищъ и семинарій пришлось оставить. Устройство собраній однихъ училищныхъ педагоговъ представлялось большимъ дѣломъ тѣмъ, кто бралъ на себя трудъ о нихъ ходатайствовать. Да при той разобщенности, какая существуетъ между училищами и семинаріями, нельзя было быть увѣреннымъ, что мысль объ общихъ собраніяхъ представителей всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній будетъ принята сочувственно въ Правленіяхъ Семинарій, а наталкиваться на отказъ желанія быть не могло.

Намъ кажется, что для читателей Богословскаго Вѣстника будетъ не безынтересно узнать, насколько удаченъ оказался первый опытъ коллективныхъ занятій училищныхъ педагоговъ, что сумѣли сказать по важному и сложному вопросу о реформѣ духовной школы эти лица, за которыми такъ долго не признавалось право свое сужденіе имѣть. Мы ограничимся изложеніемъ наиболѣе важныхъ положеній, принятыхъ всѣмъ собраніемъ или большею его частью.

I.

Съ перваго же шагу Собраніе уклонилось отъ Устава духовныхъ учебныхъ заведеній 1884 г. Какого типа школой должно быть духовное училище, какова его главная задача, этотъ кардинальный вопросъ былъ рѣшенъ собраніемъ совсѣмъ не въ духѣ Устава 1884. По мнѣнію Собранія духовное училище не должно быть узко-церковной школой, какой его сдѣлалъ этотъ уставъ. Поддерживая религіозное воспитаніе на надлежащей высотѣ, духовное училище должно отказаться отъ спеціальной задачи приготовлять своихъ питомцевъ къ служенію Церкви, такъ какъ это служеніе требуетъ особаго расположенія и призванія, которое не у всякаго можетъ быть и которое далеко не всегда можетъ быть вызвано путемъ воспитательныхъ воздѣйствій. Съ другой стороны духовное училище должно полагать начало широ-

кому образованію своихъ воспитанниковъ. Въ его учебную систему должно войти предметы, наиболѣе отвѣчающіе какъ запросамъ дѣтскаго ума, такъ и требованіямъ жизни—согласно принципу: *non scholae, sed vitae discimus*. И разъ духовное училище не должно быть школой профессиональной, оно должно перестать быть и школой сословной: въ него должно открытъ свободный ходъ, безъ ограниченія какимъ либо %, дѣтямъ всѣхъ сословій православнаго исповѣданія.

Своимъ путемъ пошло Собраніе и въ обсужденіи другихъ вопросовъ касательно училищнаго устройства.

Организація управленія школой по уставу 1884 г. была найдена собраніемъ крайне неудовлетворительной.

Уставъ 1884 г. рѣшительный сторонникъ сильной единоличной власти въ школѣ. Всю учебно-воспитательную жизнь училища, занятія учащихся и учащихся онъ поставилъ въ полную зависимость отъ одного лица—смотрителя. Многія важныя дѣла, въ родѣ представленія преподавателей къ наградѣ или обвиненія ихъ въ разныхъ упущеніяхъ, смотритель имѣетъ право единолично возбуждать предъ Высшею властью. Если другія онъ долженъ обсуждать совмѣстно съ Правленіемъ, то у него много средствъ добиться благопріятнаго для него рѣшенія. А когда онъ расходится съ Правленіемъ, то всетаки побѣда оказывается на его сторонѣ: въ большинствѣ случаевъ онъ находитъ сильную поддержку въ архіерейской власти, на постановленія которой Правленіе не можетъ апеллировать. Это единовластіе смотрителя приносить школѣ глубокій вредъ ¹⁾. Оно обез-

¹⁾ До какихъ размѣровъ иногда достигаетъ произволъ училищной администраціи, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, имѣвшаго мѣсто въ одномъ д. училищѣ съ интернатомъ на 300 слишкомъ учащихся.—Не смотря на то, что при училищѣ давно существуетъ водопроводъ, воспитанники въ теченіе всего учебнаго дня не могутъ помыть своихъ рукъ, которыя они пачкаютъ—мѣломъ, чернилами и проч. Приспособленія для мыванія имѣются лишь при спальняхъ, занимающихъ особый этажъ и днемъ всегда запертыхъ. Въ той части зданія, гдѣ воспитанники проводятъ обыкновенно учебный день, устроенъ всего одинъ кранъ и при немъ никогда не вѣшаются полотенца.

На педагогическ. собраніяхъ Правленія нѣкоторыми изъ членовъ многократно заявлялось о необходимости устроить столь важное неблагоустройство, но эти заявленія не имѣли никакого успѣха. Наконецъ, од-

личиваетъ педагогическій персоналъ. Насколько свободны и не принужденны дѣйствія зрителя, настолько бываютъ лишены инициативы другіе члены педагогической корпораціи. Поправки и дополненія, недавно внесенныя въ Уставъ и расширяющія права педагогическаго персонала, не измѣнили существеннымъ образомъ старыхъ порядковъ и отношеній. Неудивительно, поэтому, что члены Собранія, на своихъ плечахъ испытавшіе всю прелесть установленнаго въ 1884 г. режима, съ рѣдкимъ единодушіемъ высказались противъ него. Не защищали Уставъ 1884 г. и представители училищной администраціи, присутствовавшіе на собраніи. Безъ преній почти было признано необходимымъ организовать управленіе въ духовныхъ училищахъ на началахъ широкой коллегіальности и автономности. Во главѣ училища долженъ стоять Совѣтъ, который долженъ вѣдать всѣ дѣла и вопросы касательно обученія и воспитанія учащихся и учащихся. Предсѣдатель Совѣта, наблюдая за жизнью школы согласно указаніямъ и постановленіямъ Совѣта, во всѣхъ важныхъ случаяхъ долженъ обращаться въ Совѣтъ и безъ него не предпринимать ни одного рѣшительнаго шага. Только въ вопросахъ особой важности Совѣтъ представляетъ свои журналы на разсмотрѣніе епархіальнаго архіерея, но за нимъ остается право, въ случаѣ несогласія съ архіерейскою резолюціей, апеллировать въ Центральное Правленіе.

Собраніе высказалось за расширеніе не только функцій Училищнаго Совѣта—по старой терминологіи Училищнаго Правленія,—но и его состава. Въ него должно входить не

нимъ членомъ собранія былъ внесенъ обстоятельный докладъ, гдѣ вопросъ о необходимости устройства въ достаточномъ числѣ умывальниковъ въ доступныхъ и близкихъ къ воспитанникамъ мѣстахъ былъ разработанъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Собраніе, за исключеніемъ Предсѣдателя, согласилось съ докладомъ и едѣлало постановленіе касательно устройства—необходимыхъ приспособленій для умыванія. Однако, несмотря на то, что это постановленіе было утверждено архіереемъ, оно не было приведено Предсѣдателемъ педагогическаго Собранія въ исполненіе, и ученики продолжаютъ быть неопрятными. Спрашивается, къ какой власти теперь должно обратиться училищное правленіе, чтобы сломить упорство своего—Предсѣдателя, столь строгаго блюстителя, ученической неопрятности.

только Предсѣдатель, Инспекторъ, преподаватели, но и всѣ воспитатели и сверхъ того училищный врачъ и представители духовенства и родителей учащихся.

Замѣняя должность смотрителя — должностью предсѣдателя Училищнаго Совѣта съ иными правами и обязанностями, Собраніе нашло необходимымъ подвергнуть рѣшительной переоцѣнкѣ и такія созданія Устава 1884 г., какъ помощникъ смотрителя и надзирателя. Если первый лишень почти всякихъ правъ и долженъ смотрѣть на все глазами смотрителя, то надзиратели являются орудіемъ въ рукахъ того и другого. Этимъ печальнымъ существамъ не должно быть мѣста въ новой школѣ. Помощника смотрителя долженъ замѣнить Инспекторъ, лицо съ болѣе опредѣленными задачами и обязанностями и съ большей самостоятельностью, надзирателей — этихъ стражей наружнаго порядка — воспитатели, равные по своему образованію и правамъ съ преподавателями. Задачей — инспектора и воспитателей должно быть главнымъ образомъ организація воспитательной части. Дѣйствія воспитателей должны быть открыты наблюденію какъ предсѣдателя Училищнаго Совѣта, такъ и инспектора, но ни тотъ, ни другой не должны превращать ихъ въ исполнительныхъ лицъ и безъ ихъ вѣдома отмѣнять ихъ распоряженія. Между всѣми этими лицами долженъ существовать постоянный обмѣнъ мыслей по вопросамъ воспитанія и обученія. Высшимъ учрежденіемъ объединяющимъ ихъ педагогическую тактику и рѣшающимъ ихъ затрудненія является Училищный Совѣтъ. Организуя такъ воспитательскій персоналъ, — Собраніе желало вдохнуть жизнь и интересъ въ тѣхъ, кто къ дѣламъ величайшей важности относился апатично, пробудить инициативу и самостоятельность тамъ, гдѣ безъ нея невозможно достиженіе высокихъ воспитательныхъ цѣлей и гдѣ господствовали субординація и рутина, насадить воспитаніе на мѣсто дисциплины и дрессировки. Въ духовной школѣ всѣ члены педагогическаго персонала должны быть живыми дѣятелями, а жизнь тамъ, гдѣ не только власть и законъ, а гдѣ и свобода и мысль.

Серьезное вниманіе обратило собраніе и на отношеніе школы къ семьѣ и духовному обществу. Всѣ были согласны въ томъ, что между тѣми, которые обучаютъ и воспитываютъ дѣтей, и тѣми, чьи дѣти обучаются и воспитываются,

должна существовать тѣсная связь и правильный обмѣнъ мыслей. Въ училищномъ совѣтѣ должно найти видное мѣсто какъ представители духовнаго общества, заинтересованнаго въ благосостояніи своей школы, такъ и родителей учащихся. И по уставу 1884 г. въ Правленіи училища должны непременно участвовать два члена отъ мѣстнаго духовенства по его выбору. И въ Училищномъ Совѣтѣ ихъ положеніе должно быть не только сохранено, но и упрочено: ихъ мысль и сужденія должны быть ограждены отъ всякаго административнаго давленія и за ними должно быть признано право на матеріальное вознагражденіе. Но представителями мѣстнаго духовенства въ училищѣ бывають иногда лица, совсѣмъ не имѣющія дѣтей или не имѣющія своихъ дѣтей среди учащихся. Для болѣе близкой связи семьи съ школой важно имѣть въ Училищномъ Совѣтѣ и лицъ изъ родителей учащихся. У нихъ можно предполагать много побужденій съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ учебно-воспитательнымъ порядкамъ школы, и ихъ голосъ, какъ родителей, можетъ имѣть не малое значеніе при обсужденіи вопросовъ относительно положенія и участи учащихся. Близкимъ сотрудникомъ и членомъ Училищнаго Совѣта должно быть и училищный врачъ, безъ содѣйствія котораго многіе вопросы относительно здоровья и физическаго воспитанія учащихся не могутъ быть Совѣтомъ правильно и основательно рѣшены.

Проектируя организацію управленія училищемъ на началахъ широкой коллегіальности, Собраніе до нѣкоторой степени предпрѣшало вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ педагогическихъ должностей. Если Училищный Совѣтъ долженъ объединить всѣ силы училища около самыхъ жизненныхъ его интересовъ, если отвѣтственность за благосостояніе учащихся должна лежать на всѣхъ членахъ Совѣта, то, разумѣется, они должны быть весьма заинтересованы въ достоинствахъ и качествахъ тѣхъ, кто вступаетъ въ ихъ ряды. Они должны имѣть право выбирать новыхъ своихъ членовъ. И это важно какъ тѣмъ, что благодаря новому порядку замѣщенія свободныхъ педагогическихъ должностей, легче будутъ поддерживаться правильная координація и отношенія членовъ Совѣта, такъ и тѣмъ, что въ большей степени будетъ гарантироваться лучшій отборъ педагогическихъ силъ.

Неся отвѣтственность за дѣйствія своихъ членовъ, Совѣтъ училища будетъ относиться къ ихъ выбору со всей осторожностью и внимательностью. Компетенціи Совѣта не подлежатъ выборы членовъ отъ духовенства и представителей отъ родителей учащихся. Тѣ и другіе избираются тѣми, представителями которыхъ они являются въ Совѣтъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ собраніе единогласно высказалось за широкое примѣненіе выборнаго начала въ замѣщеніи педагогическихъ должностей, оставляя за Центральнымъ Управленіемъ утвержденіе избранныхъ Училищнымъ Совѣтомъ лицъ.

Долго и оживленно дебатировался повидимому вполне ясный вопросъ объ образовательномъ цензѣ педагогическаго персонала духовныхъ училищъ. Были высказаны слѣдующія три мнѣнія. Одни, исходя изъ мысли, что дѣло воспитанія и обученія дѣтей есть очень сложное дѣло, требующее не только усердія и добросовѣстности, но и серьезныхъ специальныхъ знаній, настаивали на обязательности для каждаго педагога духовной школы высшаго образованія и широкой спеціально педагогической подготовки. Другимъ казалось, что для педагога низшей духовной школы достаточно того одного образованія, которое даетъ духовная академія. Наконецъ, немало было лицъ, готовыхъ допустить къ соисканію педагогическихъ должностей въ училищѣ какъ кандидатовъ духовной академіи, такъ одинаково и студентовъ семинаріи. Болѣе низкой оцѣнки образовательнаго ценза духовныхъ педагоговъ ни кѣмъ не было предложено. Долго боролись между собой указанные три мнѣнія, и каждое, если угодно, добилося нѣкотораго успѣха. Большинство членовъ собранія склонилось къ такому рѣшенію даннаго вопроса, въ которомъ нашли себѣ мѣсто всѣ три приведенныя мнѣнія. Формула его приблизительно такова: желательно, чтобы должности преподавателей и воспитателей занимались лицами съ высшимъ образованіемъ и педагогической подготовкой, но къ соисканію этихъ мѣстъ могутъ быть допускаемы по усмотрѣнію Совѣта и лица средняго образованія, заявившія себя педагогическими познаніями и опытностью. Предсѣдатель же совѣта обязательно долженъ владѣть высшимъ образованіемъ. Эта формула, на нашъ взглядъ, весьма неудачна. Принимая ее, собраніе дѣлало шагъ скорѣе назадъ,

чѣмъ впередъ. Говорить только о желательности высшаго образованія и педагогической подготовки для педагоговъ въ наши дни, когда давно и въ печати и въ обществѣ признана необходимость тою и другой, открывать входъ въ педагогическія корпораціи духовныхъ училищъ людямъ практики и опыта, когда къ высшему знанію начинаютъ приобщаться народные учителя и рабочіе, значитъ слишкомъ просто смотрѣть на дѣло обученія и воспитанія и недостаточно цѣнить значеніе такихъ учебныхъ заведеній, какъ духовныя училища. Спорить ли кто, какимъ образованіемъ долженъ владѣть учитель прогимназій? Не сегодня—завтра при университетахъ будутъ открыты специально педагогическіе факультеты для подготовки преподавателей свѣтскихъ школъ. Чѣмъ же будутъ выглядывать сравнительно со своими свѣтскими коллегами духовные педагоги, если останутся въ прежнемъ положеніи педагоговъ практиковъ и самоучекъ. Мы рѣшительно протестуемъ противъ такого опрощенія и отсталости педагогическаго персонала духовной школы, хотя бы и низшей.

Рѣшительно высказавшись противъ всякой зависимости духовныхъ училищъ отъ семинарскихъ правленій, какъ не имѣющей никакихъ основаній, Собраніе остановилось на вопросѣ объ отношеніи архіерейской власти къ училищамъ. Особенныхъ разногласій этотъ вопросъ не вызвалъ. За епархіальнымъ архіереемъ было признано право входить во всѣ подробности учебно-воспитательныхъ порядковъ и дѣлать на основаніи своихъ наблюденій извѣстныя предложенія Училищному Совѣту; на разсмотрѣніе архіерея должны поступать и постановленія Совѣта по наиболѣе важнымъ педагогическимъ дѣламъ; но архіерейскія резолюціи не должны имѣть обязательной силы для Училищнаго Совѣта, который, въ случаѣ несогласія съ ними, можетъ апеллировать въ высшую административную инстанцію. Это опредѣленіе функцій архіерейской власти относительно училищъ было подсказано собранію тѣми, повѣренными долгимъ опытомъ, соображеніями, что архіерей далеко не всегда, при многихъ другихъ своихъ обязанностяхъ, можетъ стоять въ курсѣ учебно-воспитательнаго дѣла, и что многія архипастырскія резолюціи стоятъ въ большой зависимости отъ объясненій ближайшаго начальства учебнаго заведенія, часто весьма

заинтересованнаго въ томъ или иномъ рѣшеніи дѣла. Чтобы заключенія епархіальнаго архіерея по учебно-воспитательнымъ дѣламъ училища отличались большей компетентностью и объективностью, Собраніе проектировало учрежденіе при архіерее особаго педагогическаго совѣта, ежегодно избираемаго мѣстнымъ духовенствомъ и совѣтами учебныхъ заведеній изъ лицъ извѣстныхъ своими педагогическими способностями и пользующихся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Задачей Совѣта было бы всестороннее освѣщеніе и обсужденіе учебно-воспитательныхъ вопросовъ и разнаго рода недоумѣній, которыя могли бы быть заявлены со стороны учебныхъ заведеній.

Съ особенной симпатіей Собраніе отнеслось къ мысли объ учрежденіи ежегодныхъ сѣздовъ педагоговъ всѣхъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, не исключая и представителей высшей богословской науки. Всѣ сознавали, что разобщенность педагогическихъ корпорацій духовныхъ училищъ есть очень вредное явленіе, что, поддерживая между собой правильное общеніе, дѣлясь другъ съ другомъ своими педагогическими наблюденіями, совмѣстно обсуждая педагогическіе вопросы, педагоги внесутъ оживленіе въ собственную среду и поднимутъ благосостояніе своей школы. Лучшимъ же средствомъ къ такому общенію являются ежегодныя педагогическіе сѣзды. Въ общей работѣ преподавателей вполне умѣстно принять участіе и людямъ науки—профессорамъ академій. Знакома членовъ сѣзда со своими изслѣдованіями, имѣющими отношеніе къ вопросамъ обученія и воспитанія, они проводили бы научное знаніе въ педагогическую среду, и сами, съ другой стороны, могли видѣть, какіе вопросы особенно привлекаютъ вниманіе педагоговъ и заслуживаютъ научной разработки.

Собраніе нашло нужнымъ ввести въ программу педагогическихъ сѣздовъ и дѣла чисто практическаго значенія: назначеніе ревизій въ тѣ или иныя мѣстныя учебныя заведенія и выборъ лицъ для исполненія столь важнаго и деликатнаго дѣла. Усвоить эти функціи, нынѣ принадлежація другимъ лицамъ и учрежденіямъ, педагогическому сѣзду имѣлись достаточныя основанія. Участникамъ сѣзда, принадлежащимъ къ мѣстнымъ педагогическимъ кружкамъ, особенно удобно опредѣлить, какъ часто должны производиться

ревизіи и какія учебныя заведенія ихъ особенно заслуживаютъ. Съ такой же компетентностью члены съѣзда могли бы производить и выборъ ревизоровъ. При обсужденіи на собраніяхъ съѣзда разныхъ, связанныхъ съ педагогической наукой и практикой вопросовъ, скоро обозначился бы контингентъ лицъ, особенно свѣдущихъ въ педагогическомъ дѣлѣ и пользующихся довѣріемъ другихъ членовъ. Изъ этихъ то лицъ, какой бы педагогическій постъ они ни занимали, и могли бы избираться ревизоры. На ихъ сторонѣ были бы особыя преимущества. Они хорошо понимали бы тѣхъ, коихъ должны были ревизовать, и, что особенно цѣнно, встрѣчали бы съ ихъ стороны довѣріе и расположеніе. Благодаря этому между обѣими сторонами могли бы установиться откровенныя отношенія и правильный обмѣнъ мыслей по вопросамъ обученія. Собираясь во имя интересовъ школы, участники педагогическихъ съѣздовъ едвали позволили бы себѣ относиться къ выбору ревизоровъ легко и поверхностно; точно также и тѣ, на кого палъ выборъ, принимали бы его съ лучшими намѣреніями: они были бы обязаны своими полномочіями своей, установившейся въ обществѣ, репутаціи свѣдущихъ и добросовѣстныхъ людей, которую они едвали захотѣли бы уронить. И тѣмъ тщательнѣй они отнеслись бы къ ревизіи, что она была бы для нихъ свѣжимъ и интереснымъ дѣломъ. Если бы всетаки выборъ ревизоровъ оказался неудачнымъ, съѣздъ могъ бы замѣнить ихъ въ другомъ году новыми лицами. Ревизорство должно было не постоянной профессіей, а почетнымъ порученіемъ.

Чтобы ревизія производилась со всей объективностью и отъ нея никто не могъ напрасно потерпѣть, отчетъ о ревизіи долженъ быть сообщаемъ не только съѣзду, но и тому учрежденію, гдѣ производилась ревизія, чтобы какъ совѣтъ этого учрежденія, такъ и отдѣльные его члены имѣли возможность, если находили нужнымъ, дать по поводу отчета свои объясненія или оправданія. Только по исполненію этого требованія отчетъ могъ идти въ центральное управленіе.

Таковы *ria disederia* собранія училищныхъ педагоговъ Московской епархіи въ области вопросовъ, касающихся управленія школой и организациіи ея педагогическихъ силъ.

Вниманіе и мысль участниковъ собранія были направлены къ тому, чтобы поставить всѣхъ лицъ, призванныхъ къ вос-

питанію и обученію дѣтей въ такія условія, въ которыхъ они могли бы проявить наибольшій интересъ къ учебному дѣлу и съ наибольшей силой использовать на устройство и веденіе его свои познанія и создать между собой самыя живыя и тѣсныя отношенія взаимѣнъ той отчужденности и обособленности, какими страдаютъ педагогическія корпораціи въ настоящее время.

II.

Перейдя къ обсужденію учебной системы, принятой въ духовныхъ училищахъ, Собраніе встрѣтилось прежде всего съ древними языками, занимающими, несмотря на нѣкоторыя ограниченія по уставу 84 г., доминирующее положеніе среди другихъ учебныхъ предметовъ. Быть или не быть другимъ языкамъ въ низшей духовной школѣ,—около этого вопроса надолго сосредоточилось вниманіе собранія. За и противъ другихъ языковъ сказано было много рѣчей. Несмотря, однако, на жаръ, съ какимъ велись дебаты, можно было скоро замѣтить, что древнія языки значительно потеряли свой кредитъ. Противъ нихъ говорили даже тѣ, кто не мало лѣтъ занимался ихъ преподаваніемъ; ихъ защитники стремились не къ тому, чтобы вполне отстоять ихъ положеніе въ школѣ, а къ тому, чтобы они не были вовсе исключены изъ училищныхъ курсовъ. Особенно оригинальнаго въ аргументаціи какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ древняго языкознанія, конечно, быть не могло. Споръ о древнихъ языкахъ очень давній споръ. Оттачивались и пускались въ оборотъ уже достаточно извѣстныя доказательства и возраженія. Съ одной стороны слышались рѣчи о вліяніи древнихъ языковъ на развитіе формальнаго мышленія, о пользѣ знакомства съ высоко-развитой античной литературой, о невозможности обойтись безъ древнихъ языковъ тѣмъ, кто хочетъ продолжать образованіе въ академіи или университетѣ. Съ другой указывалось на абстрактность древнихъ языковъ, насколько не отвѣчающихъ запросамъ юнаго ума, стремящагося къ живому, предметному знанію, на происходящее отъ этого равнодушіе и даже не расположеніе учащихся къ древнимъ языкамъ, на ихъ жизненную бесполезность и т. п. На нѣкоторое время доводы первой категоріи взяли верхъ: собраніе высказалось за оставленіе въ духовныхъ училищахъ древ-

нихъ языковъ, хотя и въ сильно сокращенномъ видѣ. Но въ слѣдующемъ же засѣданіи снова по настоятію многихъ лицъ былъ поднятъ вопросъ о древнихъ языкахъ, и на этотъ разъ дѣло кончилось полнымъ исключеніемъ этихъ предметовъ изъ училищныхъ курсовъ. Ихъ участь рѣшилъ главнымъ образомъ такой безспорный и всюду наблюдаемый фактъ, какъ нерасположеніе къ нимъ учащихся. Трудъ напрасенъ, разъ сопротивляется природа. Обученіе древнимъ языкамъ должно быть сосредоточено въ семинаріи, гдѣ ихъ будутъ штудировать болѣе развитые юноши, способные понять значеніе этихъ предметовъ для высшаго образованія, и штудировать безъ тѣхъ тяжелыхъ усилій, какихъ требуютъ древніе языки отъ маленькихъ школьниковъ, не скоро ориентирующихся и въ родномъ языкѣ.

Съ исключеніемъ древнихъ языковъ въ учебной системѣ духовныхъ училищъ получалась большая брешь. Стали свободными цѣлыхъ тридцать два недѣльных часа. Но видимо древніе языки отжили свой вѣкъ. Ихъ мѣсто было быстро занято. На смѣну ихъ явились новые языки, природовѣдѣніе, отечественная исторія. Все это давніе конкуренты древнихъ языковъ. Собранію предстояло рѣшить, могутъ ли эти предметы, уже завоевавшіе право гражданства въ свѣтской школѣ, быть приняты и въ школѣ духовной. Собраніе не затруднилось дать утвердительный отвѣтъ. Оно не находило никакихъ основаній придавать своей школѣ на первыхъ стадіяхъ ея развитія и устройства какія либо черты, рѣзко отграничивающія ее отъ школы свѣтской (гимназіи). Напротивъ, было желательно, чтобы между той и другой были соответствіе и связь, чтобы воспитанникъ, не пожелавшій почему либо оставаться въ духовной школѣ, могъ найти выходъ въ какую либо другую свѣтскую, болѣе отвѣчающую его вкусамъ, и не оказаться въ положеніи челоуѣка, отрѣзаннаго отъ образованія, чтобы, съ другой стороны, окончившіе духовное училище съ большой свободой могли впоследствии готовиться въ семинаріи къ слушанію университетскихъ наукъ, почему либо ставшихъ для нихъ болѣе привлекательными и интересными, чѣмъ высшія богословскія дисциплины. Независимо отъ всего этого такіе предметы, какъ новые языки, природовѣдѣніе, отечественная исторія, имѣютъ столько жизненнаго и педагогическаго значенія, что

обмѣнять на нихъ древніе языки—совсѣмъ не плохое дѣло. Въ курсы этихъ предметовъ входитъ знаніе, отвѣчающее запросамъ молодого ума. Мальчикъ очень интересуется явленіями окружающей его природы и любитъ слушать рассказы о быломъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя онъ вынесетъ изъ изученія природы и исторіи родной страны, сдѣлаются прочнымъ достояніемъ его ума: изъ нихъ будутъ формироваться его возрѣнія на міръ и на то общество, членомъ котораго онъ призванъ быть. И нельзя опасаться, что его мышленіе недостаточно будетъ культивироваться при изученіи предметовъ со столь обильнымъ фактическимъ матеріаломъ. Какъ бы ни были малы и элементарны курсы по природовѣдѣнію и отечественной исторіи, но они, особенно въ рукахъ умѣлаго преподавателя, не могутъ не давать мальчику нѣкотораго представленія о законмѣрности природы и о связи и развитіи историческихъ фактовъ и событій. А представлять связь и развитіе физическихъ явленій и историческихъ событій—значитъ упражнять чисто мыслительные процессы. Что касается новыхъ языковъ, то по мнѣнію многихъ педагоговъ, изученіе ихъ способно оказывать на развитіе формальнаго мышленія не меньше вліяніе, чѣмъ древніе языки, и доступно даже въ раннемъ сравнительно возрастѣ. На успѣхъ обученія имъ въ духовной школѣ будетъ имѣть благоприятное вліяніе еще одно обстоятельство. Какъ занятіямъ древними языками не мало вредитъ въ настоящее время то, что учащіеся часто слышатъ дома и въ обществѣ рѣчи о бесполезности и не нужности этихъ предметовъ, такъ изученію новыхъ языковъ будетъ содѣйствовать общее призваніе ихъ полезными и нужными предметами: даходя до ушей воспитанниковъ, оно будетъ возбуждать и поддерживать въ нихъ интересъ и вниманіе къ новымъ языкамъ.

Со введеніемъ указанныхъ предметовъ, которымъ должно присоединить еще рисованіе и черченіе, мальчикъ будетъ выносить изъ училища болѣе законченное и болѣе соответствующее потребностямъ жизни образованіе. Если по какимъ либо причинамъ онъ не будетъ въ состояніи продолжать образованіе въ средней школѣ, то, благодаря болѣе положительнымъ знаніямъ, вынесеннымъ изъ училища, онъ легче ориентированъ въ жизни и скорѣе найдетъ средства къ существованію. Онъ будетъ не только приличнымъ кандида-

томъ во псаломщики, но окажется годнымъ и къ другой профессіи.

На новые предметы не только ушли 32 часа, оставшіеся послѣ другихъ языковъ, но было прибавлено еще нѣсколько учебныхъ часовъ. Рабочій день воспитанника сталъ нѣсколько длиннѣе. На новые языки проектировано 20 уроковъ,—отечественную исторію 6, природовѣдѣніе 6, рисованіе и черченіе (съ чистописаніемъ) 7.

Разнаго рода поправки и измѣненія были сдѣланы и въ распредѣленіи и постановкѣ учебныхъ предметовъ, сохранившихъ свое мѣсто и въ новой учебной системѣ. Эти поправки коснулись прежде всего русскаго языка, 19 уроковъ котораго въ настоящее время распредѣлены крайне неравномѣрно: 10 на первый классъ и 9 на остальные три. Благодаря такому, по меньшей мѣрѣ странному, распредѣленію учащіеся вынуждены въ 1-й годъ обученія затрачивать массу силъ и времени на изученіе родного языка, а въ послѣдующіе годы,—когда ихъ умственные силы все болѣе и болѣе крѣпнутъ и они могли бы съ болѣею сознательностью и пониманіемъ отнестись къ столь близкому для нихъ и важному предмету, они удѣляютъ ему втрое менѣе времени. Если учитель 1-го класса нерѣдко не достигаетъ значительныхъ успѣховъ въ обученіи родному языку вслѣдствіе неразвитости своихъ питомцевъ, то учитель русскаго языка въ старшихъ классахъ терпитъ ту же участь по недостатку времени. Положеніе его осложняется еще тѣмъ, что на ряду съ русскимъ языкомъ и въ такомъ же объемѣ онъ долженъ преподавать въ тѣ же три часа еще и церковно-славянскій. Эти аномаліи въ распредѣленіи уроковъ по русскому языку, вредныя для другихъ предметовъ, такъ рѣзки и столь бросаются въ глаза, что непонятно, какъ онѣ существуютъ столько лѣтъ. Собраніе исправило ошибку Устава 84 г. Съ цѣлью болѣе широкаго и основательнаго изученія русскаго языка оно увеличило общее число уроковъ еще на два и распредѣлило ихъ болѣе равномерно: на I-й кл. 6 ур., на II, III, IV—по 5. Программа по церковно-славянскому языку была ограничена самыми необходимыми формами и явленіями. Былъ возбужденъ также вопросъ и о распредѣленіи учебнаго матеріала по русскому языку. Признано было за лучшее строго послѣдовательное изложеніе этимологіи и

синтаксиса, какъ слишкомъ раздѣляющее нѣкоторыя весьма сродныя и постоянно употребляющіяся формы и явленія языка, замѣнить концентрическимъ, позволяющимъ учителю скорѣе ввести учащихся въ курсъ важнѣйшихъ отдѣловъ грамматики и дать о нихъ связанное представленіе, которое въ послѣдующіе годы можетъ уясняться и расширяться при соединеніемъ болѣе частныхъ свѣдѣній и правилъ. Видное мѣсто въ курсѣ русскаго языка должно занять и, такъ называемое, воспитательное чтеніе, совершенно игнорируемое программами 84 г. На этихъ двухъ базисахъ—воспитательномъ чтеніи и данныхъ грамматики должно построиться и обученіе воспитанниковъ искусству излагать свои мысли письменно. Съ болѣе равномернымъ распредѣленіемъ уроковъ русскаго языка по классамъ—письменное изложеніе мыслей можетъ быть поставлено, какъ предметъ обученія. Въ настоящее время ученики духовныхъ училищъ больше пишутъ разнаго рода изложенія и сочиненія, чѣмъ обучаются ихъ писать. Наконецъ, находя, что сосредоточеніе всѣхъ уроковъ по русскому языку въ рукахъ одного учителя—при чтеніи множества письменныхъ упражненій—было бы для него обременительно, собраніе проектировало оставить раздѣленіе уроковъ между двумя преподавателями съ тѣмъ, однако, чтобы каждый велъ свои классы чрезъ весь училищный курсъ. Что касается другихъ предметовъ: Закона Божія, Церковнаго Устава, географіи, ариѳметики, церковнаго пѣнія, то принятія относительно ихъ поправки касались то замѣны трудныхъ учебниковъ (М. Филарета и протоіерея Соколова) болѣе доступными, то сокращенія курса (по исторіи Ветхаго Завета), то увеличенія числа уроковъ (по географіи и ариѳметикѣ), то введенія въ программу новыхъ отдѣловъ (теоріи церковнаго пѣнія) на счетъ сокращенія нѣкоторыхъ старыхъ (обиходнаго пѣнія).

Собраніе высказалось также за отмѣну переходныхъ экзаменовъ, балловой системы, за болѣе раннее начало лѣтнихъ каникулъ и соотвѣтственно съ этимъ болѣе раннее начало учебнаго года, за недѣльный отдыхъ среди длинной сентябрьской трети, за болѣе широкую выписку книгъ въ фундаментальную и ученическую библіотеки и т. п. педагогическія удобства.

Находя излишними для педагоговъ ношеніе форменнаго

платы, награды орденами и чинами, собраніе признало настоятельно нужнымъ увеличеніе матеріальнаго вознагражденія за педагогическій трудъ.

Достаточно ясно, какими тенденціями руководилось собраніе, обсуждая вопросы касательно организаціи учебной части въ духовныхъ училищахъ. Сдѣлать учебную систему болѣе отвѣчающей требованіямъ жизни, болѣе согласной съ запросами дѣтскаго ума, придать ей извѣстную цѣльность и законченность и поставить ее въ большую близость къ программамъ начальной свѣтской школы—такова была цѣль занятій собранія. Если принятая собраніемъ учебная система и не рассчитана спеціально на приготовленіе будущихъ служителей церкви, то въ ней не могла бы встрѣтиться, какихъ-либо препятствій та юная душа, у которой рано пробудилось бы стремленіе къ пастырскому служенію. Обученіе Закону Божию оставлено во всей своей силѣ и религіозное воспитаніе, какъ увидимъ, организовано строго.

III.

Вопросамъ о воспитаніи учащихся собраніе могло удѣлить сравнительно не много времени: послѣднее свое засѣданіе, да небольшую часть предъидущаго. Современнымъ воспитательнымъ порядкамъ къ духовнымъ училищамъ будетъ очень не лестная аттестація. Нѣкоторыми членами собранія было указано, что наша школа больше дрессируетъ, чѣмъ воспитываетъ, что она цѣнитъ въ своихъ питомцахъ болѣе умѣнье повиноваться, чѣмъ проявлять свою волю и самостоятельность, больше учить ихъ соблюдать тишину и порядокъ, чѣмъ умѣло упражнять свою энергію, направляя ее къ интереснымъ и полезнымъ цѣлямъ и задачамъ. Она оперируетъ негодными и устарѣлыми педагогическими средствами: на живую, полную энергіи натуру мальчика дѣйствуетъ преимущественно предписаніями и внушеніями, отъ которыхъ, въ случаѣ ихъ неэффективности, переходитъ къ всякаго рода взысканіямъ. Слѣдя за шалостями воспитанниковъ, воспитатель мало интересуется положительными свойствами его душевнаго строя. Въ результатъ такого воспитанія является полная розобщенность между обѣими сторонами—воспитанниками и ихъ воспитателями—и развитіе въ харак-

терѣ первыхъ такихъ именно свойствъ, которыя наименѣе желательны.

Эти горькія рѣчи не встрѣтили возраженія. Соглашаясь, что воспитательный строй духовной школы давно отжилъ свой вѣкъ, собраніе признало настоятельно необходимымъ, чтобы педагогическій персоналъ школы стремился къ тщательному изученію всей личности воспитанника и ко всѣмъ его нуждамъ и потребностямъ относился съ полной благожелательностью и вниманіемъ. Въ воспитательной практикѣ должны имѣть силу обѣ части извѣстнаго афоризма: *praecepta docent, exempla trahunt*. Воспитанники во всей окружающей ихъ обстановкѣ и лицахъ должно живо чувствовать присутствіе того добра, которому ихъ такъ усердно учатъ какъ на урокахъ такъ и въ другое время. Отъ дисциплинарныхъ взысканій, которыя вызываются совершившимся и потому не устранимымъ дурнымъ поступкомъ, школа должна перейти къ широкому примѣненію такихъ средствъ, которыя бы отвлекали вниманіе мальчика въ сторону разумнаго и интереснаго и предупреждали въ извѣстной мѣрѣ проявленіе съ его стороны дурныхъ влеченій и привычекъ. Если справедливо, что праздность есть мать пороковъ, то дѣло воспитателей заботиться, чтобы мальчикъ не зналъ праздности, мѣняя серьезный трудъ на разумныя и пріятныя развлеченія. Образовательныя игры, ручной трудъ, литературные вечера, экскурсіи—эти и подобныя имъ воспитательныя средства, въ настоящее время не имѣющія обязательнаго значенія для нашей школы, должны занять въ ней такое же мѣсто, какъ и классныя занятія. Эти педагогическія заключенія не новы, но они не находятъ себѣ примѣненія въ педагогической практикѣ и не найдутъ до тѣхъ поръ, пока строй школы не будетъ радикально измѣненъ, пока дѣло воспитанія не будетъ поручено исполнѣ свѣдущимъ лицамъ, пока всѣ педагогическія силы школы не составятъ одного живого цѣлаго, опредѣляющагося въ своихъ отношеніяхъ не табелью о рангахъ, а яснымъ пониманіемъ воспитательнаго дѣла и живымъ интересомъ къ нему.

Собранію же, стремившемуся облегчить дѣятельность педагогическаго персонала и создать для нея болѣе благопріятныя условія, особенно будетъ умѣстно вести рѣчи о примѣ-

неніи болѣе совершенныхъ воспитательныхъ методовъ и принциповъ, хотя и не со вчерашняго дня открытыхъ.

Значительно должно быть по мнѣнію Собранія видоизмѣнено и религіозное воспитаніе въ духовной школѣ, преслѣдующее въ настоящее время преимущественно развитіе въ юныхъ душахъ внѣшней набожности. Признавая за исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, посѣщеніемъ церковныхъ службъ важное воспитательное значеніе, собраніе, однако, сочло нужнымъ отмѣтить, что упражненія въ церковномъ благочестіи должно имѣть извѣстную норму и предѣлы, за которыми они перестаютъ приносить желательные плоды. Мальчикъ долженъ живо сознавать, что цѣнны не длинная молитва, а исходящая изъ сердца, не продолжительная служба, а та, которая выстаивается съ религіознымъ одушевленіемъ и чувствомъ, и что внѣшняя набожность, какъ бы ни была истово исполнена, не имѣетъ цѣнны предъ Богомъ, если не соединяется съ живой любовью къ Нему и людямъ. Непедагогичнымъ, поэтому, является заставлять воспитанниковъ, людей постоянного труда, выстаивать длинныя богослуженія, что такъ цѣнять иные руководители воспитанія. Утомленный мальчикъ не можетъ сердечно молиться, и сколько бы его ни держали на молитвѣ, онъ душой будетъ вдали отъ нея. Излишнія упражненія воспитанниковъ во внѣшнемъ благочестіи могутъ привести къ тому, что, придя въ болѣе совершенный возрастъ, они рѣзко отрицательно отнесутся къ церковнымъ обрядамъ вмѣсто того, чтобы ихъ чтить и исполнять. Безъ ущерба для религіознаго развитія можно отмѣнить посѣщеніе воспитанниками преждеосвященныхъ литургій въ дни Великаго Поста, сократить тотъ непомѣрно длинный кругъ молитвословій, который нынѣ воспитанники обязаны знать наизусть. Запоминаніе этихъ молитвословій очень не легкій трудъ для воспитанниковъ и въ душѣ многихъ изъ нихъ оставляетъ горькія чувства и воспоминанія.

Уроки по Закону Божию, имѣющіе безусловно важное значеніе въ дѣлѣ религіознаго развитія, должны излагаться такъ, чтобы воспринимались воспитанниками не одной только памятью, но и чувствомъ и мыслью. Если гдѣ, то именно при изученіи Закона Божія менѣ всего можетъ быть умѣстно механическое запоминаніе.

Существенно, наконецъ, важно, чтобы и воспитатели и преподаватели служили для воспитанниковъ живымъ примѣромъ почитанія Бога не на словахъ только, но и всѣмъ сердцемъ и относились къ нимъ съ той любовью, которая должна отличать послѣдователей Іисуса Христа. Жизнь показываетъ, что сплошь да рядомъ сухо и черство относятся къ дѣтямъ какъ разъ тѣ, въ задачу которыхъ входитъ въ особенной степени учить ихъ христіанской вѣрѣ и добру.

Если постановка нравственнаго и религіознаго воспитанія въ духовной школѣ нуждается въ значительныхъ измѣненіяхъ, то относительно физическаго воспитанія Собраніе должно было заявить, что его нужно еще создать. Физическое воспитаніе, какъ такое, въ духовныхъ училищахъ не существуетъ. Тѣмъ лицамъ, которымъ оно поручено, пока не хватаетъ многихъ свѣдѣній по части физическаго развитія и школьной гігіены, чтобы они могли удовлетворительно исполнять свои функціи. Да еслибы они и стояли на высотѣ своего положенія, то едвали могли много сдѣлать. Чтобы доставить воспитанникамъ необходимое количество свѣта, чистаго воздуха, тепла, хорошее питаніе, особенно въ постные дни, которыхъ такъ много и которые такъ строго соблюдаются въ духовныхъ школахъ, чтобы организовать ручной трудъ, игры и прогулки на чистомъ воздухѣ, для всего этого требуются хорошія средства, которыхъ именно въ школѣ и нѣтъ. Школьные помѣщенія бываютъ по большей части стары и тѣсны. Тѣмъ же, гдѣ они воздвигаются вновь, стройкой сплошь да рядомъ завѣдуютъ люди, ничего общаго со школой не имѣющіе и въ школьной гігіенѣ ничего не смыслящіе.

Въ особенное время пришлось педагогамъ пяти духовныхъ училищъ производить свою совмѣстную работу по пересмотру Учебнаго Устава. Они обязаны своимъ собраніемъ не своей инициативѣ и не волѣ начальства, а скорѣе глубоко охватившему общественныя и педагогическія сферы стремленію къ преобразованію и обновленію жизни. Имъ нельзя было не испытать на себѣ вліянія того прогрессивнаго настроенія, которымъ проникнута современная жизнь,

и ихъ педагогическія думы и пожеланія во многомъ отвѣчаютъ запросамъ времени.

Но отзываясь на тѣ требованія, которыя съ разныхъ сторонъ предъявляются школѣ и ея дѣятелямъ, наши педагоги руководились не въ меньшей степени и данными своей практики и опыта. Они рѣшительно высказались за реорганизацию училищнаго управленія на началахъ автономіи, но сдѣлали такъ не потому только, что такого рода строй считается въ настоящее время наиболѣе отвѣчающимъ интересамъ общественныхъ учреждений, не исключая и школы, а и на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и опыта. Они сами на себѣ испытали все неблагопріятное вліяніе бюрократической опеки. Не съ чужого голоса они говорили и по другимъ, касающимся школы, вопросамъ.

Какъ, повидимому, ни своевременна работа нашихъ педагогическихъ корпорацій, тѣмъ не менѣе напрашивается горькій вопросъ: выйдетъ ли изъ нея какой нибудь толкъ, если она и вполнѣ серьезная работа? Гдѣ гарантіи того, что доклады духовныхъ учебныхъ заведеній по заданнымъ имъ вопросамъ не залежатся въ ящикахъ синодскихъ канцелярій? Многимъ участникамъ собранія была очень не чужда мысль, что они въ сущности работаютъ напрасно--pro forma, что ихъ сужденія останутся не выслушанными тѣми, отъ кого будетъ зависѣть реформа духовной школы. Но не смотря на такія печальныя перспективы, собраніе работало, не покладая рукъ, пока не довело своего дѣла до намѣченнаго конца. Вопросы, подлежавшіе обсужденію, давно занимали и интересовали всѣхъ, и накопившейся энергіи надо было дать выходъ.

Педагоги должны всетаки помнить, что отъ нихъ самихъ немало зависитъ, чтобы ихъ собранія устраивались почаще. Тѣмъ скорѣе придутъ для нихъ лучшія времена, если они сами будутъ ихъ добиваться.

С. III.
